

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ПУСТОЙ ДОМ

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг
по версии ВВС



АЗБУКА

Розамунда Пилчер

Пустой дом

Серия «The Big Book»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68790783
Пилчер Р. Пустой дом: Азбука-Аттикус; Москва; 2023
ISBN 978-5-389-22619-7

Аннотация

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо», – и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха.

Вирджиния в двадцать семь лет осталась вдовой. Она переезжает в дом на корнуольском побережье, чтобы в уединении поразмышлять о своем не слишком счастливом прошлом и обрести душевное равновесие. И суровый Корнуолл, с его ветрами, прекрасными пейзажами, изменчивыми оттенками морской воды, словно помогает ей понять, как жить дальше. Постепенно Вирджиния обретает силы для того, чтобы сделать важный выбор и наконец стать хозяйкой собственной судьбы.

Содержание

1	5
2	24
3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Розамунда Пилчер

Пустой дом

Rosamunde Pilcher
THE EMPTY HOUSE

© И. Д. Голыбина, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

1

Был понедельник, три часа пополудни; июльский день выдался солнечным и жарким, с моря долетал освежающий ветерок, и в воздухе пахло свежескошенной травой. От гребня холма, по которому проходила дорога на Карн-Эдвор, земля полого спускалась к скалистому побережью. Куда ни глянь, повсюду расстилались фермерские угодья, разбитые на небольшие участки, – они напоминали заплатки с оборками желтого утесника. Кое-где из земли выступали гигантские гранитные валуны. Вирджиния подумала, что склон холма напоминает лоскутное одеяло: зеленый бархат пастбищ, золотая парча выкошенной стерни, розоватое свечение поднимавшейся к солнцу кукурузы, мягкие пушистые венчики которой так и хотелось погладить рукой.

Было очень тихо. Однако стоило ей закрыть глаза, как ее обступили звуки летнего дня, которые, один за другим, стал различать слух. Нежная песенка ветра, колыхавшего заросли папоротника. Гул автомобиля, карабкавшегося вверх по холму от Порткерриса: водитель переключил передачу и продолжил подъем. Где-то вдалеке работали комбайны – успокаивающий мерный шум моторов напоминал жужжание пчел. Открыв глаза, Вирджиния увидела их: ярко-красные, с такого расстояния они напоминали игрушечные машинки, которые Николас катал по ковру у себя в детской.

Приближающаяся машина, двигаясь очень медленно, перевалила через гребень холма; все, кто сидел в ней, включая водителя, высунулись в открытые окна, чтобы полюбоваться открывающимся видом. Лица их были красными от загара, стекла очков сверкали на солнце, толстые руки выпирали из рукавов: казалось, машина набита под завязку. Когда она проезжала мимо пяточка, где Вирджиния оставила свой автомобиль, одна из женщин, сидевших на заднем сиденье, подняла голову и увидела, что она смотрит на них со склона холма. На какое-то мгновение их взгляды встретились, а потом машина проехала мимо, свернула за поворот и направилась дальше, к Лендс-Энду.

Вирджиния взглянула на часы. Четверть четвертого. Она вздохнула и поднялась на ноги, отряхнула травинки и веточки папоротника со своих белых джинсов и зашагала вниз по склону к дороге. Кожаное сиденье машины раскалилось, как сковорода на плите. Вирджиния завела мотор и поехала назад в Порткеррис, вызывая в памяти знакомые картинки. Ей виделись Николас и Кара, запертые в непривычной лондонской детской, откуда они выходят разве что с няней на прогулку в Кенсингтонский сад или с бабушкой в зоопарк и Музей старинных костюмов да еще изредка в кино, на фильм, который та сочтет для них подходящим. В Лондоне сейчас наверняка очень жарко, душно и полно народу. Интересно, сводили ли Николаса к парикмахеру? Она подумала, будет очень кстати купить ему игрушечный комбайн и отправить

подарок по почте, сопроводив его назидательным материнским посланием:

Сегодня я видела, как три таких комбайна работали на поле в Ланьоне, и подумала, что тебе наверняка понравится эта модель, потому что с ее помощью ты поймешь принцип их работы.

Такое письмо леди Кейли, одобрительно кивая головой, с удовольствием прочтет Николасу, ведь он, мужчина до мозга костей, ни за что не станет разбирать материнский почерк, тем более что к его услугам всегда бабушка, готовая сколько угодно читать ему вслух. Вирджиния придумала и другое письмо, идущее от всего сердца:

Сыночек, без тебя и без Кары я совсем растерялась и не знаю, что мне делать. Я целыми днями катаюсь на машине, потому что больше мне нечем занять себя, объезжаю места, где бывала когда-то. Сегодня я смотрела на комбайны и гадала, кто управляет этими гигантами, которые пакуют солому в тюки, напоминающие туго завернутые рождественские подарки.

Старые фермы с просторными амбарами и хозяйственными постройками растянулись на пять миль вдоль побережья, напоминая ожерелье из неограниченных камней, поэтому трудно было сказать, где заканчивалась Пенфолда и начинались соседние владения. Комбайны работали так далеко, что невозможно было разглядеть, кто сидит за рулем, или раз-

личить крошечные фигурки, которые шли за ними, складывая тюки соломы в штабеля, которые оставляли сушиться на жарком солнышке.

Она не знала, живет ли он по-прежнему в этих краях, управляет ли Пенфолдой, но в то же время не могла представить его ни в одном другом месте на земле. Мысленным взором, словно объективом фотокамеры, она приблизила изображение: фигурки выросли до натуральной величины, и Вирджиния увидела его – за рулем комбайна, в рубашке с короткими рукавами, обнажающими загорелые руки, с волосами, растрепавшимися от ветра. Почувствовав тревожный звоночек, она немедленно наградила его супругой – представила, как та в розовом хлопковом платье с голубым передником идет по полю с корзинкой, термосом с чаем и, пожалуй, фруктовым пирогом на десерт, а ноги у нее длинные и загорелые.

Миссис Юстас Филипс. Мистер и миссис Юстас Филипс из Пенфолды.

Машина преодолела последний подъем, и перед Вирджинией раскинулись белые песчаные пляжи, бухта и дальний мыс, а еще дальше – голубая чаша гавани, окруженная россыпью домов Порткерриса с высокой нормандской церковью.

Уил-хаус, где жили Лингарды, у которых остановилась Вирджиния, находился на противоположном краю Порткерриса. Туристка, оказавшаяся здесь в первый раз и незнако-

мая с местностью, поехала бы по главной дороге, проходящей через центр города, и наверняка застряла бы среди бесчисленных машин и толп отпускников, которые толкались на тротуарах, стояли на углах, поедая мороженое и выбирая открытки, или глазели на витрины с выставленными в них медными эльфами, керамическими русалками и прочими устрашающими персонажами, которые принято выдавать за сувениры.

Однако Вирджиния не была туристкой, поэтому свернула с дороги раньше, чем начались жилые кварталы, и двинулась по узкому проселку, обсаженному живой изгородью, который вился по холму близ городских окраин. Объездной путь казался длинным, однако через туннель из диких рододендронов можно было выехать обратно на главную дорогу, оказавшись всего в пятидесяти ярдах от главного входа в Уилхаус.

Миновав белые ворота, Вирджиния поехала по подъездной аллее между кустами эскалонии, усыпанной розовыми цветами. Дом был в неогеогианском стиле, с приятными глазу пропорциями и портиком над главным входом. Подъездная аллея петляла между подстриженными лужайками и цветочными клумбами, источавшими густой аромат желтофиолей, а когда Вирджиния остановила машину в тени дома, раздался звонкий лай и Дора, старый спаниель Элис Лингард, выскочила из открытой входной двери, за которой обычно лежала на холодке в холле на натертом полу.

Вирджиния, ласково что-то приговаривая, погладила собаку по голове и прошла внутрь, по пути снимая темные очки, потому что после яркого солнечного света ей в доме показалось совсем темно.

Раздвижные двери на противоположном конце холла вели в патио на южной стороне, где всегда было солнечно и где Элис проводила почти все свое время, за исключением разве что самых суровых зимних дней. Сегодня жара заставила ее опустить бамбуковые жалюзи, и на стулья, обитые разноцветной парусиной, и низкие столики, на которых уже была расставлена чайная посуда, падала полосатая тень.

На столе в центре холла лежала сегодняшняя почта. Два письма для Вирджинии, оба с лондонским штемпелем. Она положила очки и сумочку и взяла письма. Одно от леди Кейли и одно от... Кары! В школе они уже учились писать; Вирджиния сразу узнала дорогой ее сердцу неровный почерк:

*Для миссис Э. Кейли,
через миссис Лингард,
Уил-хаус, Порткеррис,
Корнуолл*

Ни ошибки, ни помарки. Вирджинии стало интересно, справилась ли дочка сама, или ей пришла на помощь няня. С письмами в руке она пересекла холл и вошла в патио, где сидела хозяйка дома, изящно устроившаяся в шезлонге с работой в руках. Она шила чехол для диванной подушки и сейчас приметывала тесьму по краям квадрата из бархата коралло-

вого цвета; чехол у нее на коленях напоминал гигантский лепесток розы.

Она подняла глаза:

– Вот и ты! А я-то гадала, где ты пропадаешь. Думала, застряла в пробке.

Элис Лингард было около сорока; высокого роста, с темными волосами, она была достаточно полной, но ее полноту скрадывали неожиданно длинные и изящные ноги и руки. Вирджиния считала ее своей старшей подругой: ведь Элис по возрасту находилась где-то посередине между ней и поколением ее родителей. На самом же деле Элис являлась старым другом семьи и много лет назад, еще девочкой, была одной из подружек невесты на свадьбе матери Вирджинии.

Восемнадцать лет назад она тоже вышла замуж – за Тома Лингарда, тогда совсем молоденького юношу, который готовился взять на себя управление семейным делом, компанией «Лингард и сыновья», владевшей заводом строительного оборудования в близлежащем городке Фоберне. Под руководством Тома дело стало расти; он выгодно приобрел еще несколько компаний и теперь владел предприятиями от Бристоля до Сейнт-Джаста, концессией на добычу ископаемых, судостроительной верфью и фирмой, торгующей сельскохозяйственной техникой.

Детей у Лингардов не было, однако Элис обратила свои таланты хозяйки на дом и сад и за несколько лет превратила обычное незатейливое жилище в чудесный особнячок, а ее

сад регулярно приезжали фотографировать корреспонденты журналов о садоводстве. Десять лет назад, когда Вирджиния с матерью прибыли в Корнуолл, чтобы вместе с Лингардами встретить Пасху, работы по благоустройству только начинались. За эти годы Вирджиния ни разу не бывала в Уил-хаусе и теперь, снова оказавшись здесь, с трудом узнала это место. Дом полностью переменился: острые углы сгладились, контуры, словно по волшебству, смягчились. Подросшие деревья отбрасывали длинные тени на ухоженные газоны, которые тянулись вдаль, насколько хватало глаз. На месте старого огорода пышные кусты роз источали сладкий аромат, а там, где когда-то рядами росли бобы и кусты малины, сейчас раскинулись магнолии с кремовыми цветками и душистые азалии, поднявшиеся выше человеческого роста.

Тем не менее любимым детищем Элис было патио – уже не дом, еще не сад, но сочетающее в себе очарование обоих. В горшках буйствовала герань, а по шпалерам карабкались вверх пурпурные клематисы. Недавно Элис решила выращивать виноград, поэтому сейчас терзала друзей и книги по садоводству, обдумывая, как лучше за это взяться. Энтузиазм ее был неисчерпаем.

Вирджиния пододвинула к себе кресло и упала в него, удивляясь жаре и внезапно свалившейся на нее усталости. Она сбросила сандалии и положила ноги на оказавшийся очень кстати пуф.

– Я не ездила в Порткеррис.

– Не ездила? А я думала, что ты отправилась на почту.

– Мне просто нужны были марки. Ничего, куплю в другой раз. Там было столько народу и автобусов, и все так толкались и потели, что у меня случился приступ клаустрофобии и я не стала останавливаться. Ехала себе и ехала.

– Я дам тебе марки, – сказала Элис. – Налить тебе еще чая?

Она отложила шитье и потянулась за чайником. Над чашкой поднимался пар: ароматный, освежающий.

– Молока или лимон?

– С лимоном чай вкуснее.

– И освежает лучше, на мой взгляд, особенно в такую жару. – Она протянула Вирджинии чашку и снова откинулась в кресле. – И куда же ты поехала?

– Я?.. О, в другую сторону...

– К Лендс-Энду?

– Не так далеко. Только до Ланьона. Оставила машину у обочины, забралась на холм, посидела среди вереска, любуясь видом.

– Чудесно, – сказала Элис, продевая нитку в иголку.

– На фермах уже собирают солому.

– Самое время.

– Он совсем не изменился, так ведь? Я имею в виду Ланьон. Ни новых домов, ни дорог, ни магазинов, ни кемпингов для туристов.

Она отхлебнула обжигающе горячий лапсан сушонг, а за-

тем осторожно поставила чашку и блюдо на вымощенный плиткой пол рядом с креслом.

– Элис, Юстас Филипс по-прежнему в Пенфолде?

Элис оторвалась от шитья, сняла темные очки и внимательно посмотрела на Вирджинию. Ее темные брови заметно нахмурились.

– Почему ты спрашиваешь про Юстаса Филипса? Вы знакомы?

– Элис, я и не думала, что у тебя такая плохая память! Вы же сами позвали меня, ты и Том, на то грандиозное барбекю у скал Пенфолды. Там было по меньшей мере человек тридцать, и я не знаю, кто организовал праздник, но все мы жарили колбаски на огне и пили пиво из бочонка. Не может быть, чтобы ты не помнила! И потом миссис Филипс угощала нас чаем у себя на кухне.

– Теперь я, конечно, вспоминаю. Холодно было до ужаса, однако и красиво тоже, и мы смотрели, как луна встает над Босковой-Хед. Да, помню. Кто же тогда устраивал вечеринку? Уж точно не Юстас, он только тем и занимался, что доил коров. Наверное, Барнетты. Он был скульптором и пару лет держал студию в Порткеррисе, а потом вернулся в Лондон. Его жена плела корзины, или пояса, или что-то вроде того, в фольклорном духе, и у них был целый выводок ребятишек, которые вечно бегали босиком. Праздники у них тоже были оригинальные. Наверняка это Барнетты... Надо же! Столько лет о них не вспоминала. И все мы ходили в Пенфолду. –

Однако здесь память ее подвела. Она недоуменно посмотрела на Вирджинию. – Или не все? Кто был на вечеринке?

– Мама не ходила. Сказала, это не для нее.

– И была права.

– Но я пошла, и вы с Томом тоже.

– Конечно. Нарядившись в свитеры и теплые носки. Следовало мне еще и шубу надеть. Но мы же говорили о Юстасе. Сколько тебе тогда было, Вирджиния? Семнадцать? Странно, что ты помнишь Юстаса Филипса после стольких лет.

– Ты не ответила на мой вопрос. Он все еще в Пенфолде?

– Поскольку ферма принадлежала его отцу, а до того отцу его отца и, насколько мне известно, отцу деда, разве может он смотать удочки и сбежать?

– Думаю, нет. Просто сегодня на ферме прессовали солому, и я подумала, не он ли сидит за рулем одного из комбайнов. Ты давно не встречала его, Элис?

– Мы с Томом вообще редко с ним видимся. Не потому, что имеем что-то против Юстаса, но, пойми меня правильно, он ведь обычный фермер, а Том стал настоящим бизнесменом, так что наши пути пересекаются нечасто. Разве что на охоте, когда стреляют зайцев, или в День подарков...¹ Вы понимаете, какие встречи я имею в виду.

Вирджиния подняла с пола свое блюдо и чашку и стала рассматривать розочки, которыми они расписаны.

– Он женат, – произнесла она.

¹ Праздник, который отмечается в Великобритании 26 декабря.

– Ты говоришь так, будто знаешь наверняка.

– Разве я не права?

– Не права. Он не женат. Бог знает почему. Мне он всегда казался привлекательным: вечно загорелый, этакий любовник леди Чаттерлей. Наверняка в Ланьоне перебивало немало томящихся по нему барышень, однако ни одной не удалось завоевать его сердце. Видимо, ему и так хорошо.

Жена Юстаса, порожденная ее воображением, так же быстро растаяла – видение, унесенное холодным дуновением реальности. Вместо этого Вирджиния представила себе кухню Пенфолды, неприбранную и безрадостную, с остатками ужина, брошенными на столе, тарелками в раковине и пепельницей, полной окурков.

– Кто же заботится о нем?

– Понятия не имею. Его мать умерла несколько лет назад, и мне кажется... Впрочем, я не знаю. Может быть, хорошенькая служанка или любовница, которая не против взять на себя домашнее хозяйство. Я действительно не знаю.

И не желаю знать – говорил ее тон. Она закончила пришивать шелковую тесьму, закрепила шов несколькими плотными стежками и, слегка потянув, оборвала нить.

– Ну вот, готово! Божественный цвет, не правда ли? Но для шитья сейчас слишком уж жарко. – Она отложила чехол в сторону. – Дорогая, думаю, мне пора пойти и посмотреть, что у нас сегодня на ужин. Что ты скажешь насчет вкуснейшего свежего лобстера?

– Скажу, что он будет очень кстати.

Элис поднялась во весь свой немалый рост, как башня возвышаясь над Вирджинией.

– Ты видела свои письма?

– Да, они здесь.

Элис наклонилась, чтобы взять чайный поднос.

– Я тебя покину, – сказала она, – чтобы ты их спокойно прочла.

Оставив самое приятное напоследок, Вирджиния первым открыла письмо от свекрови. Конверт был голубым, с тонкой темно-синей подкладкой. Почтовая бумага плотная, тисненый адрес черными буквами вверху листа.

32 Велтон-Гарденс, Южный Уэльс, 8

Моя дорогая Вирджиния,

надеюсь, ты наслаждаешься этой удивительной погодой: тепло, выше тридцати градусов. Думаю, ты плаваешь в бассейне Элис, ведь это так удобно, когда не нужно всякий раз ездить на пляж, чтобы искупаться. Дети прекрасно себя чувствуют и шлют тебе привет. Няня каждый день водит их в парк, они берут с собой чай и пьют его там. Сегодня утром я водила Кару в «Харродс» и купила ей несколько платьев, так как она быстро растет и старые становятся ей малы. Одно платье голубое, с аппликацией из цветов, а второе розовое, с пелеринкой. Мне кажется, ты их одобришь. Завтра они идут на чай к Мэннинг-Престонам. Няне не терпится поболтать с их няней; Сьюзен почти

одного возраста с Карой. Будет прекрасно, если они подружатся. Передай Элис привет и дай мне знать, когда соберешься возвращаться в Лондон, однако мы прекрасно справляемся и не хотим, чтобы ты прерывала свой небольшой отпуск по каким бы то ни было причинам. Ты его заслужила.

*С наилучшими пожеланиями,
Дороти Кейли*

Она перечитала письмо дважды, раздираемая противоречивыми чувствами. Каждое предложение, выведенное изящным почерком, тщательно продуманное, таило для нее скрытый смысл. Она видела своих детей в парке, на выжженной лондонской траве, пожелтевшей от жары, вытопанной и пожухлой, загаженной собаками. Видела добела раскаленное утреннее небо над крышами и маленькую девочку, затянутую в платья, которые ей не нравятся и которые она не хочет покупать, но она слишком хорошо воспитана, чтобы протестовать. Видела дом Мэннинг-Престонов, высокий, окруженный террасой, с вымощенным плиткой садиком на заднем дворе, где миссис Мэннинг-Престон устраивает свои знаменитые вечеринки с коктейлями и куда Кару и Сьюзен отправляют поиграть, пока няни заняты разговорами об узорах для вязания и о несносном характере подопечной няни Бриггс. И еще она видела, как Кара стоит молча, скованная застенчивостью, а Сьюзен Мэннинг-Престон дразнит ее за то, что Кара носит очки, и называет тупицей.

И потом, что значит «мы прекрасно справляемся»? Фор-

мулировка показала Вирджинии слишком уж расплывчатой. Кто «мы»? Няня и бабушка? Или сюда входят и дети, дети Вирджинии? Разрешают ли Каре спать с ее стареньким игрушечным медведем, ведь няня утверждает, что это «негигиенично»? Не забывают ли оставлять в коридоре свет, чтобы Николас смог дойти до ванной среди ночи? Хотя бы иногда дают детям свободу, позволяют играть самим по себе, растрепанным и грязным, в дальнем уголке сада, подбирать орехи и листья и наделять их чудесными свойствами, которые подскажет им воображение, бурно кипящее в их маленьких умных беспокойных головках?

Вирджиния почувствовала, как у нее задрожали руки. Глупо было доводить себя до такого состояния. Няня присматривала за детьми с самого их рождения, она знала обо всех их страхах, и никто не мог справиться с внезапными вспышками Николаса лучше, чем она. (Однако почему у него до сих пор бывают эти вспышки? Ему шесть, не пора ли их перерасти? Какие скрытые мотивы вызывают их снова и снова?)

Няня очень добра с Карой. Она шьет одежду для кукол, вяжет свитеры и шарфы для мишек из остатков шерсти. Она разрешает Каре катать кукольную колясочку по парку мимо мемориала принца Альберта. (Но читает ли она Каре книги, которые та любит? «Воришек», «Детей железной дороги» и «Таинственный сад» – от первого до последнего слова.) Любит ли она детей, или ей просто нравится ими командовать?

То были привычные вопросы, которые в последнее время все чаще возникали в голове у Вирджинии, – без ответа. Сознавая их неотложность, она все равно боялась о них думать, старалась не замечать собственную тревогу, придумывала для себя множество оправданий. Я не могу думать об этом сейчас, я слишком устала. Возможно, через несколько лет, когда Николас поступит в подготовительный класс школы, возможно, тогда я скажу свекрови, что больше не нуждаюсь в услугах няни; я скажу няне, что ей пора уходить, пора найти другого ребенка и заботиться о нем. Но прямо сейчас я слишком нервничаю, детям не будет хорошо со мной, им лучше с няней, в конце концов, она работает с детьми уже сорок лет.

Подобно опробованному успокоительному, эти привычные оправдания заглушали укоры совести Вирджинии. Она вложила письмо на синей бумаге в дорогой конверт и с облегчением взяла в руки второе. Однако облегчение было недолгим. Кара писала на той же почтовой бумаге, что и ее бабушка, но почерк дочери отнюдь не был изящным, а содержание – продуманным. Письмо изобиловало кляксами, строки шли криво и падали вниз, как будто слова безнадежно скатывались под гору:

Дарагая мама,

надеюсь что ты хорошо проводишь время. Надеюсь что погода хорошая. В Лондоне жарко. Мне надо идти пить чай с Сьюзен Мэнинг-Престон. Я не знаю ва что

мы будим играть. Прошлой ночью Николас кричал и бабушка дала ему таблетку. Он был весь красный. У моей куклы оторвался глаз и я не могу его найти. Пожалуйста напиши мне поскорее и скажи когда мы вернемся назад в Кирктон.

С любовью от Кары

P. S. Не забудь написать.

Она свернула письмо и отложила его. За садом, за лужайками плавательный бассейн Элис сверкал синевой подобно драгоценному камню. Освежающий ветерок нес с собой пение птиц и благоухание цветов. Из дома до нее доносился голос Элис, разговаривавшей с миссис Джилкс, кухаркой, наверняка о лобстере, которого они собирались есть на ужин.

Она почувствовала себя беспомощной, совершенно растерянной. Вирджиния подумала было о том, чтобы попросить Элис пригласить сюда детей, однако в следующую минуту поняла, что это невозможно. Ее будет доводить до белого каления Кара, забывшая снять у порога грязные резиновые сапоги, или Николас, играющий в футбол на бесценных цветочных клумбах и рисующий на обоях. Без няни он наверняка будет вести себя невыносимо, потому что, когда она не ходит за ним по пятам, он становится вдвое непослушнее.

Без няни. Вот они – ключевые слова. Сама. Она должна воспитывать их сама.

И все же одна мысль об этом наполняла ее ужасом. Что она будет с ними делать? Куда они поедут? Ее мысли разбе-

гались в разные стороны в поисках решения. Гостиница? Однако в разгар лета гостиницы под завязку забиты туристами и стоят невероятно дорого. Кроме того, Николас в гостинице будет столь же невыносим, как и в Уил-хаусе. Она подумала о том, чтобы взять напрокат домик на колесах или жить на пляже подобно хиппи, мигрирующим на юг каждое лето, жечь костры из плавника и спать, свернувшись клубочком, прямо на холодном песке.

Конечно, был еще Кирктон. Когда-нибудь ей придется вернуться. Однако все ее существо восставало при мысли о возвращении в Шотландию, в усадьбу, где она жила с Энто-ни, где родились ее дети, в то единственное место, которое они считали своим домом. При воспоминании о Кирктоне она увидела три тени, мелькающие по светлым стенам, холодный северный свет, отражающийся на белых потолках, услышала звуки собственных шагов на отполированных ступенях лестницы, не покрытой ковром. Подумала о прозрачных осенних вечерах, когда в небе пролетали первые стаи диких гусей, о парке перед домом, спускающемся к берегам глубокой стремительной речки...

Нет. Не сейчас. Каре придется подождать. Позднее, возможно, они и вернутся в Кирктон. Не сейчас. За спиной Вирджинии хлопнула дверь, и ее вернуло в реальность появление Тома Лингарда, приехавшего с работы. Она услышала, как он позвал Элис, затем бросил свой портфель на стол в холле и направился к патио в поисках жены.

– Привет, Вирджиния.

Он наклонился и слегка прикоснулся губами к ее макушке.

– Ты одна? Где же Элис?

– В кухне, обсуждает лобстера.

– Письма от детей? Все в порядке? Прекрасно, очень хорошо...

Одной из отличительных черт Тома было то, что он никогда не давал себе труда дождаться ответа хотя бы на один заданный им вопрос. Порой Вирджиния спрашивала себя, не в этом ли таится секрет его выдающихся успехов.

– Что ты делала днем? Лежала на солнышке? Что же, неплохо. Может, пойдем со мной, искупаемся? Раз ты проленилась весь день, тебе полезно будет немного размяться. И Элис позовем тоже.

Он ушел, пружиня шаг и излучая энергию, назад в дом и дальше, в кухню, громко призывая жену. Вирджиния, признательная за то, что кто-то сказал ей, что делать, поднялась, собрала письма и покорно пошла вверх по лестнице в спальню, чтобы переодеться в бикини.

2

Адвокатов звали Смарт, Чигвин и Уильямс. По крайней мере, так было написано на медной табличке на двери – табличку полировали столь часто и усердно, что буквы стерлись и читались с трудом. Ниже висел медный молоток, ручка тоже была медная, такая же гладкая и сверкающая, как табличка, а когда Вирджиния нажала на нее и открыла дверь, то увидела узкий коридор, застеленный блестящим коричневым линолеумом и выкрашенный светлой кремовой краской, и подумала о том, что какая-то трудолюбивая уборщица извела здесь немалое количество полироля.

Там было застекленное окошко, напоминающее кассу, с надписью «Информация» над ним, и звонок. Вирджиния нажала на кнопку, и заслонка, прикрывавшая окошко, поехала вверх.

– Да?

Изумленная, Вирджиния сообщила голове, появившейся в окошке, что хочет видеть мистера Уильямса.

– У вас назначена встреча?

– Да. Я миссис Кейли.

– Минуточку, пожалуйста.

Заслонка с грохотом опустилась, и голова скрылась за ней. В следующее мгновение распахнулась дверь и голова появилась снова, а вслед за ней и тело в строгом костюме, которое

заканчивалось парой ног в туго зашнурованных туфлях.

– Пожалуйста, сюда, миссис Кейли.

Здание, где находилась адвокатская контора, стояло на вершине холма на окраине Порткерриса, но, несмотря на это, Вирджинию застиг врасплох роскошный вид, открывшийся ее глазам, стоило ей ступить в кабинет. Стол мистера Уильямса стоял в центре, на ковре, и сам мистер Уильямс уже поднимался ей навстречу. А за его спиной в большом, от пола до потолка, окне, подобно драгоценной картине, открывалась пестрая живописная панорама старого города. Дома, крытые шифером, с белеными трубами, рассыпались по склону без видимого порядка. Выкрашенная синим дверь, желтое окно, полыхающая герань на подоконнике, белье, развешанное на веревке, словно флажки, неожиданно крона дерева, которое обычно не попадает на глаза. За крышами, внизу, сверкала солнечными бликами бухта. Был пик прилива, покачивались на волнах корабли, стоящие на якоре, белый парус огибал волнолом, покидая тихие воды гавани и направляясь к прочерченному по линейке горизонту, где две синевы сливались между собой. Ветер доносил крики чаек, чертивших по небу узоры своими острыми крыльями, и пока Вирджиния стояла посреди кабинета, колокола нормандской церкви прозвонили нехитрую мелодию и часы пробили одиннадцать.

– Доброе утро, – сказал мистер Уильямс, и Вирджиния поняла, что он здоровается с ней уже в третий раз.

Она с трудом оторвала взгляд от заоконной панорамы и постаралась сфокусировать его на адвокате:

– О, доброе утро. Я миссис Кейли... – Нет, это было невозможно. – Как только вам удастся работать в кабинете с таким видом?

– Вот почему я сижу к нему спиной...

– Просто дух захватывает.

– Да, вид уникальный. Художники часто спрашивают у нас разрешения написать гавань из этого окна. Весь город как на ладони, и цвета постоянно меняются, но всегда очень красиво. За исключением разве что дождливых дней. И так, – тон его внезапно изменился, словно адвокат был недоволен тем, что потратил столько времени на разговоры, и спешил вернуться к работе, – чем могу помочь?

Он пододвинул ей стул.

Пытаясь не смотреть в окно и сосредоточиться на своем вопросе, Вирджиния села.

– Возможно, мне нужно было обратиться в другую контору, но я не нашла в городе ни одного агента по недвижимости. Я искала в местной газете объявления о домах, сдающихся в аренду, но ничего не нашла. Тогда я увидела ваше имя в телефонной книге и подумала, что, быть может, мне стоит прийти к вам.

– Чтобы подыскать дом?

Мистер Уильямс был молод, темноволос, и взгляд его выдавал интерес к молодой симпатичной женщине, сидящей

напротив за столом.

– Да, в аренду.

– На какой срок?

– На месяц... в начале сентября мои дети возвращаются в школу.

– Ясно. Что же, обычно мы не занимаемся такого рода вещами, однако я спрошу у мисс Леддра, нет ли у нее каких-нибудь предложений. Правда, сейчас разгар сезона, город под завязку забит туристами. Даже если вам удастся что-нибудь найти, боюсь, арендная плата будет исключительно высокой.

– Это не важно.

– Что ж, тогда подождите минуту...

Он поднялся из-за стола и вышел; Вирджиния услышала, как он разговаривает с женщиной, впустившей ее. Она встала, подошла к окну и распахнула его, рассмеявшись при виде разозленной чайки, которую согнала с подоконника. Ветер с моря был прохладным и свежим. Прогулочный кораблик, переполненный пассажирами, выходил из гавани, и внезапно Вирджинии страстно захотелось оказаться у него на борту, стать такой же беззаботной, загорелой, красоваться в кепке с надписью «Kiss Me» и весело вскрикивать, когда кораблик будет подпрыгивать на волнах.

Мистер Уильямс вернулся в кабинет.

– Вы можете подождать? Мисс Леддра должна кое-что выяснить...

– Конечно.

Она снова опустилась на стул.

– Вы остановились в Порткеррисе? – любезно осведомился мистер Уильямс.

– Да. У друзей. У Лингардов, в Уил-хаусе.

Адвокат, который и до этого не допустил ни малейшей фамильярности, теперь стал обращаться к ней с подчеркнутой почтительностью.

– О да, конечно же. Очаровательное место.

– Да. Элис чудесно его обустроила.

– Вы бывали там раньше?

– Десять лет назад. Но с тех пор – ни разу.

– Ваши дети, они сейчас с вами?

– Нет. Они в Лондоне, с бабушкой. Но я хочу привезти их сюда, если получится.

– Вы живете в Лондоне?

– Нет. Там живет моя свекровь. – (Мистер Уильямс ждал.) – Мой дом... в общем, мы живем в Шотландии.

В его глазах промелькнуло удовлетворение... Вирджиния не могла понять, каким образом тот факт, что она живет в Шотландии, мог его обрадовать.

– Но это же чудесно! И где именно?

– В Пертшире.

– Самые красивые места. Прошлым летом мы с женой проводили там отпуск. Такой покой, и дороги пустые, и тишина. Как это вы решились оттуда уехать?

Вирджиния открыла было рот, чтобы рассказать ему, однако в этот момент их разговор, к счастью, прервало появление мисс Леддра со стопкой бумаг в руках.

– Вот оно, мистер Уильямс. Бозифик. В письме мистера Керноу сказано, что, если найдется съемщик на август, он с удовольствием сдаст дом. Но только *добросовестный* съемщик. На этом он особо настаивает.

Мистер Уильямс взял бумаги и поверх них улыбнулся Вирджинии:

– Вы же добросовестный съемщик, миссис Кейли?

– Все зависит от того, что вы мне предложите, не так ли?

– Ну, это, вообще-то, не в Порткеррисе... спасибо, мисс Леддра... но и не слишком далеко... собственно, это в Ланьоне...

– Ланьон!

Наверное, в ее восклицании ему послышался испуг, потому что мистер Уильямс сразу бросился на защиту Ланьона:

– Но это дивное местечко, один из красивейших участков побережья...

– Я вовсе не имела в виду, что мне там не нравится. Я просто удивилась.

– Удивились? Но почему?

Взгляд его был острым, как у птицы с черными глазами-бусинами.

– Простите, не обращайтесь внимания. Расскажите мне про дом.

Он рассказал. Старый коттедж, не слишком выдающийся, не особенно красивый, но с претензией на историческую ценность: в двадцатых годах там жил и работал один популярный писатель.

Вирджиния поинтересовалась, кто именно.

– Прошу прощения?

– Какой писатель?

– О, извините. Обри Крейн. Вы знали, что он некоторое время прожил в наших краях?

Вирджиния не знала. Однако Обри Крейн был одним из многих авторов, которых мать Вирджинии не одобряла. Она помнила холодное выражение ее лица и как та поджимала губы всякий раз при упоминании его книг; помнила, что их старались побыстрее вернуть в библиотеку, чтобы юная Вирджиния не успела заглянуть под обложку. По какой-то причине это сделало коттедж под названием Бозифик для нее еще более желанным.

– Продолжайте, – сказала Вирджиния.

Мистер Уильямс продолжал. Несмотря на свой возраст, Бозифик был до определенной степени модернизирован – в нем появились ванная и туалет, а также электрическая плита.

– А кто его хозяин? – поинтересовалась Вирджиния.

– Мистер Керноу – племянник пожилой дамы, которой некогда принадлежал дом. Она завещала дом ему, но он постоянно живет в Плимуте и приезжает только в отпуск. Они с семьей хотели приехать и нынешним летом, однако жена

его заболела и не может путешествовать. А поскольку мы являемся адвокатами мистера Керноу, он поручил нам заняться этим вопросом, отдельно оговорив, что съемщик должен быть надежным и хорошо ухаживать за его собственностью.

– Дом большой?

Мистер Уильямс полистал свои бумаги.

– Давайте посмотрим: кухня, гостиная, ванная на нижнем этаже и холл плюс три спальни наверху.

– А сад там есть?

– Можно сказать, что нет.

– Как далеко дом находится от дороги?

– Примерно в сотне ярдов от проселка, если мне не изменяет память.

– И я могу арендовать его прямо сейчас.

– Не вижу никаких препятствий. Однако сначала вам надо на него взглянуть.

– Да, конечно... и когда же?

– Сегодня? Завтра?

– Завтра утром.

– Я сам съезжу с вами.

– Благодарю вас, мистер Уильямс.

Вирджиния поднялась и направилась к выходу, но он быстрым движением опередил ее и распахнул перед ней дверь.

– И еще одно, миссис Кейли.

– Да?

– Вы не спросили про арендную плату.

Она улыбнулась:

– Нет, не спросила. До свидания, мистер Уильямс.

Вирджиния ничего не сказала Элис и Тому. Она не хотела облекать в слова то, что было в лучшем случае лишь туманным замыслом. Ей не хотелось вступать в переговоры, не хотелось, чтобы ее убеждали в том, что детям лучше в Лондоне с бабушкой, или в том, что Элис готова пережить возможные разрушения, которым подвергнется Уил-хаус, и пригласить детей к себе. Когда Вирджиния найдет жилье для себя и детей, она поставит Элис перед *fait accompli*, свершившимся фактом. И тогда есть надежда, что Элис поможет ей справиться с самой тяжелой задачей – убедить свекровь отпустить детей в Корнуолл без няни. При одной мысли об этом у Вирджинии душа ушла в пятки, однако сначала нужно было преодолеть другие, не такие серьезные препятствия, и она была полна решимости разобраться с ними сама.

Элис была идеальной хозяйкой. Когда утром Вирджиния сообщила ей, что уезжает, та не стала выпытывать у нее, чем она собирается заняться. Элис сказала только:

– Ты вернешься к ланчу?

– Не думаю. Скорее всего, нет.

– Тогда увидимся за чаем. А потом можем вместе поплавать.

– Божественно! – сказала Вирджиния.

Она поцеловала Элис, вышла из дома, села в машину и

поехала вниз по склону холма в Порткеррис. Она оставила машину у железнодорожной станции и пошла пешком к адвокатской конторе, чтобы встретиться с мистером Уильямсом.

– Миссис Кейли, мне ужасно жаль, однако сейчас я не смогу поехать с вами в Бозифик. Старая клиентка приезжает из Труро, мне нужно остаться и побеседовать с ней; надеюсь, вы меня простите. Вот ключи от дома, и я нарисовал для вас подробную карту, как его найти... Думаю, вы не заблудитесь. Вы поедете одна или предпочтете, чтобы мисс Леддра вас сопровождала?

Вирджиния представила, как будет чувствовать себя в компании застегнутой на все пуговицы безупречной мисс Леддра, и заверила мистера Уильямса, что прекрасно справится сама. Он вручил ей кольцо с массивными ключами, к каждому из которых была прикреплена деревянная бирка: «входная дверь», «сарайчик для угля», «комната в башне».

– Аккуратнее на дороге, – предостерег ее мистер Уильямс, пока они вместе шли к двери, – она ухабистая. Развернуться у ворот Бозифика негде, однако вы можете проехать по проселку дальше вниз, до старой фермы, и развернуться там, во дворе. Что ж, если вы уверены, что справитесь самостоятельно... Мне невероятно жаль, но я, безусловно, буду ждать вас здесь – хочу услышать, что вы скажете об этом месте. Да, и, миссис Кейли... дом долго простоял пустым. Не пугайтесь, если поначалу он покажется вам слегка... запущен-

ным. Просто откройте окна и представьте себе, как он будет выглядеть, если разжечь камин.

Слегка обескураженная прощальным напутствием адвоката, Вирджиния пошла назад к машине. Ключи от незнакомого дома свинцовой тяжестью оттягивали сумочку. Внезапно она ощутила острое желание найти себе компанию и даже на мгновение допустила безумную мысль о том, чтобы вернуться в Уил-хаус, признаться во всем Элис и убедить ее поехать вместе в Ланьон для оказания моральной поддержки. Однако это было смешно. Что такого ей предстояло: посмотреть небольшой коттедж и решить, арендовать его или отвергнуть. Любая простофиля, даже Вирджиния, без сомнения, смогла бы это сделать.

Погода была по-прежнему великолепной, а пробки на дорогах невыносимыми. В чередке других автомобилей она кое-как добралась до центра города, потом выехала на его противоположный край. На гребне холма, за развилкой, поток транспорта слегка разределся, ей удалось прибавить скорость и обогнать несколько уныло тащившихся машин. Когда она забралась повыше, миновав болота, перед ней во всей красе раскинулось море, и к Вирджинии вернулся боевой дух. Дорога серой лентой вилась среди зарослей папоротника; слева возвышался горб Карн-Эдвора, пурпурный от цветущего вереска, а справа земля полого спускалась к морю – все тот же привычный узор из напоминающих заплатки полей и ферм, которым она любовалась, сидя на холме, два дня

назад.

В качестве ориентира мистер Уильямс указал кусты боярышника, склонявшиеся под ветром на обочине. За ними дорога делала крутой поворот, и от нее отходил проселок, который вел вниз, к морю. Вирджиния свернула на проселок – это оказалась каменистая тропка, пролежавшая среди зарослей ежевики. Она переключилась на пониженную передачу и стала осторожно спускаться с холма, стараясь избегать ухабов и рытвин и заставляя себя не обращать внимания на то, как колючие ветки утесника царапают краску на ее автомобиле.

Вокруг не было никаких признаков жилья, пока дорога снова не сделала крутой поворот, за которым Вирджинии сразу открылся дом. Каменная ограда, а за ней щипец шиферной крыши. Вирджиния оставила машину на дороге, взяла сумочку и вылезла наружу. С моря дул холодный соленый ветер, пахло ежевикой. Она подошла к калитке, однако петли перекосило, и ей пришлось приподнять створку, чтобы попасть внутрь. Мощеная дорожка вела вниз, к каменным ступеням и дальше, к дому, и Вирджиния увидела, что он приземистый и длинный, с фронтонами на северной и южной стенах, и смотрит на море; у дома была пристройка с квадратной башней на крыше. Вирджинию неприятно поразило сходство башни с церковью. Сада возле дома не было; на южной стороне ветер трепал клочья нескошенной травы да торчали из земли покосившиеся столбы с веревкой, на ко-

торой когда-то сушили белье.

Она спустилась по ступеням и прошла по мшистой тропинке вдоль стены дома к входной двери. Дверь была выкрашена темно-красной краской, которая под ярким солнцем потрескалась и вздулась пузырями. Вирджиния вытаскила ключ, вставила его в скважину и повернула ручку; дверь внезапно подалась вперед и распахнулась, совершенно бесшумно. Она увидела перед собой небольшую лестницу, потертый коврик на голых досках, почувствовала запах сырости и... мышей? Вирджиния нервно сглотнула. Она терпеть не могла мышей, но, проделав такой путь, не собиралась отступать, так что ей ничего не оставалось, кроме как подняться по лестнице и робко переступить через порог.

Она быстро осмотрела старую часть дома, заглянула в крошечную кухню с причудливой плитой и раковиной, покрытой въевшимися пятнами, и в гостиную с разномастными креслами. Электрический камин, установленный в гигантском старинном очаге, напоминал дикое животное, выглядывающее из своей норы. На окнах висели занавески из хлопчатобумажной ткани, засиженные мухами и истончившиеся от долгой службы, у стены стоял буфет, заполненный тарелками и чашками всех форм и размеров в разной степени разрушения.

Разочарованная, Вирджиния поднялась на второй этаж. Спальни были темные, с крошечными окошками и непропорционально громоздкой мебелью. Она вернулась на лест-

ницу и, сделав еще несколько шагов вверх, оказалась перед закрытой дверью. Вирджиния распахнула дверь, и после темноты, царившей в доме, сияние северного света, внезапно ударившего в глаза, ослепило ее. Потрясенная, она шагнула в удивительное помещение – небольшое, квадратное, с тремя застекленными стенами, оно напоминало капитанский мостик на корабле, а через стекло открывался вид на побережье, вдаль на пятьдесят миль.

По северной стене шла скамья с выцветшей обивкой. Там стоял выскобленный стол, пол покрывал старенький тканый коврик, а в центре было сделано отверстие, напоминавшее колодец, в которое уходила винтовая лестенка с коваными перилами, ведущая на нижний этаж, в «холл», как назвал его мистер Уильямс.

Вирджиния осторожно спустилась по ступеням. Главной достопримечательностью холла оказался грандиозный камин в стиле ар-нуво. За ним шла ванная, а дальше, через еще одну дверь, можно было попасть обратно в гостиную, темную и наводящую тоску.

Дом был странным и пугающим. Его стены обступали Вирджинию, дожидаясь, какое решение она примет, порицая ее малодушие. Чтобы выиграть время, она снова поднялась в комнату в башне, села на скамью и полезла в сумочку за сигаретой. Сигарета была последняя. Придется купить еще. Она курила, рассматривая непокрытые доски выскобленного стола и потускневший ковер на полу. Ясно, что именно

здесь был кабинет Обри Крейна, здесь он трудился над своими экстравагантными романами, которые Вирджинии читать не дозволялось. Она так и видела его, бородатого, с заурядной американской внешностью, скрывавшей страстное и мятежное сердце. Летом он, должно быть, настежь распахивал окна, чтобы в них влетали сельские запахи и звуки, ворчание прибора, посвист ветра. Зимой же в башне наверняка было смертельно холодно, и ему приходилось заворачиваться в одеяло и писать скрюченными от мороза руками в шерстяных перчатках без пальцев...

Где-то в комнате жужжала муха, безуспешно пытаясь вылететь в окно. Вирджиния прижалась виском к прохладному стеклу и невидящими глазами смотрела на море, пока в голове у нее продолжался давний спор с самой собой, напоминающий партию в пинг-понг.

Я не могу здесь жить.

Почему нет?

Я ненавижу этот дом. Он жуткий и отталкивающий. Здесь ужасная атмосфера.

Это просто твое воображение.

В нем невозможно жить. Я никогда не соглашусь привезти сюда детей. Им никогда не приходилось жить в подобных местах. И здесь им негде играть.

У них есть целый мир для игр. Поля, и скалы, и море.

Но как мне смотреть за ними... стирать, и гладить, и готовить? И холодильника здесь нет; а как я буду греть воду?

А я-то думала, что для тебя главное – самой воспитывать детей, забрать их из Лондона.

Лучше им жить в Лондоне, с няней, чем в доме вроде этого.

Вчера ты считала по-другому.

Я не могу привезти их сюда. Я не представляю, как за это взяться. Мне не справиться одной.

Тогда что ты собираешься делать?

Я не знаю. Может, поговорить с Элис – это нужно было сделать с самого начала. Конечно, своих детей у нее нет, но она должна понять. Может быть, у нее есть на примете другой дом. Она поймет. Она поможет. Она должна помочь.

Вот, значит, сказал холодный голос у нее внутри, во что вылилась твоя решимость.

Разозленная, Вирджиния затушила наполовину выкуренную сигарету, раздавила окурочку каблуком, поднялась на ноги, спустилась по лестнице, достала ключи и заперла за собой дверь. Она прошла по дорожке к калитке и захлопнула ее за спиной. Дом смотрел ей вслед – крошечные окна спален напоминали саркастически прищуренные глаза. Она заставила себя не обращать внимания на их пристальный взгляд и поспешила вернуться в уютный салон машины. Было четверть первого. Ей нужно было купить сигареты, на ланч в Уил-хаусе ее не ждали, поэтому она вырулила на проселок, но не стала сворачивать к Порткеррису, а поехала по другой дороге, на Ланьон. Добравшись до деревни, она проехала по уз-

кой главной улице, которая внезапно оборвалась, завершившись мощеной площадью: с одной стороны на нее выходила фасадом церковь с квадратной башней, а с другой – маленький паб «Герб русалки» с белеными стенами.

Погода была хорошая, поэтому из паба вынесли и расставили на тротуаре столики и стулья, прикрыв их яркими разноцветными зонтами от солнца, и горшки с оранжевыми настурциями. Мужчина и женщина в летних костюмах сидели за столиком и пили пиво, рядом их сын играл со щенком. Вирджиния подошла поближе, они улыбнулись ей и пожелали доброго утра; она улыбнулась в ответ и прошла мимо них в дверь паба, непроизвольно наклонив голову под закопченной притолокой.

Стены паба были обшиты панелями темного дерева, потолок – низкий, свет проникал внутрь через маленькие окошки с кружевными занавесками; там стоял приятный запах, прохладный и кисловатый. Несколько фигур, трудноразличимых в потемках, сидели у стены, за небольшими столиками на кривоватых ножках, и за стойкой бара, обрамленного гирляндами пивных кружек, где бармен в клетчатом свитере и нарукавниках полотенцем наводил блеск на стаканы.

– Уж не знаю, как так выходит, Уильям, – говорил он, обращаясь к одному из посетителей, который сидел на другом конце стойки, горестно скрючившись на высоком табурете перед стаканом пива, держа в руке сигарету с длинным столбиком пепла на конце, – но мы расставляем везде эти новые

урны, а никто ничего в них не бросает.

– Угу, – сказал Уильям, печально кивая в знак согласия и роняя пепел с сигареты в стакан.

– Мусор разносит по обочинам дороги, а Совет графства не удосужится даже прислать мусорщиков, чтобы опустошить урны. Мало того, они и на вид ужасны, без них было гораздо лучше. Раньше же мы как-то обходились, верно?..

Он закончил протирать стакан, со стуком опустил его на стойку и повернулся, чтобы обслужить Вирджинию.

– Чего желаете, мадам?

Это был настоящий житель Корнуолла – по голосу, внешности, масти. Красное обветренное лицо, голубые глаза, темные волосы.

Вирджиния попросила пачку сигарет.

– У нас только пачки по двадцать штук. Подойдет?

Он обернулся, чтобы достать пачку с полки, а потом ловким движением большого пальца освободил ее от целлофановой упаковки.

– Денек сегодня что надо, не правда ли? Вы здесь на каникулах, так ведь?

– Да.

Она много лет не бывала в пабах. В Шотландии женщины туда не ходят. Вирджиния забыла их атмосферу, ненавязчивое дружелюбие. Она сказала:

– А кока-кола у вас есть?

Бармен взглянул на нее с удивлением.

– Да, кока-кола есть. Держу ее для детишек. Налить вам?
– Будьте так добры.

Он достал бутылку, аккуратно откупорил ее, вылил напиток в стакан и подтолкнул его по стойке к Вирджинии.

– Я как раз говорил Уильяму – вон тому парню, – что дорога на Порткеррис находится просто в позорном виде.

Вирджиния придвинула табурет и уселась на него, готовая слушать.

– Обочины все в грязи. Туристы как будто не знают, что делать с собственным мусором. Казалось бы – едешь в такое прекрасное место, так почему бы не прибрать за собой и не увезти мусор на машине, а не бросать его прямо у дороги. Они так любят поговорить об охране природы, об экологии, а сами, боже ты мой...

Он явно сел на своего любимого конька, вдохновленный одобрительными восклицаниями, периодически доносившимися из разных углов зала. Вирджиния прикурила сигарету. За стенами паба, на залитой солнцем площади, раздался шум подъезжающего автомобиля, водитель заглушил мотор, хлопнула дверца. Она услышала мужской голос, желаящий всем доброго утра, потом шаги – посетитель вошел в бар и остановился у нее за спиной.

– Я написал об этом нашему представителю в парламенте, хотел узнать, кто отвечает за вывоз мусора, но он ответил, что это дело Совета графства, а я сказал...

Через голову Вирджинии он заметил вошедшего.

– О, с добрым утром! Смотрите, кто к нам пожаловал!

– Все не можешь успокоиться по поводу урн, Джо?

– Ты же меня знаешь, мальчик: если за что возьмусь, с живого не слезу – как терьер, что вцепится в крысу. Что тебе налить?

– Кружку пива.

Джо взялся наливать пиво, а новый посетитель встал между Вирджинией и тоскливо сгорбившимся Уильямом. Она сразу же узнала этот голос, как только он заговорил, узнала звук шагов, стоило его ноге ступить на порог «Герба русалки».

Она отпила глоток кока-колы, поставила стакан на стойку. Табачный дым внезапно показался ей горьким; она затушила сигарету и повернула голову, чтобы наконец посмотреть на него, и увидела голубую рубашу с закатанными рукавами, обнажавшими дочерна загорелые руки, ярко-синие глаза и густые темные волосы, подстриженные так коротко, что видна была форма головы. И поскольку больше ей ничего не оставалось, Вирджиния сказала:

– Привет, Юстас.

Изумленный, он обернулся, и на его лице появилось выражение, какое бывает у человека, внезапно получившего удар в живот: потрясенное и растерянное.

Она быстро произнесла:

– Это и правда я.

И его губы сложились в улыбку, сначала недоверчивую,

принужденную, будто он опасался, что его одурачили.

– Вирджиния.

Преодолевая неловкость, она повторила:

– Привет.

– Что, во имя всех святых, ты тут делаешь?

Она чувствовала, что все, кто находился в пабе, обратились в слух и ждали ее ответа, поэтому постаралась ответить как можно легче, обыденно:

– Заехала купить сигареты и решила чего-нибудь выпить.

– Я не об этом. Что ты делаешь в Корнуолле? Здесь, в Ланьоне.

– Приехала на каникулы. Живу у Лингардов, в Порткеррисе.

– И как давно ты тут?

– Около недели.

– А как проводишь время?

Но прежде чем она успела ответить, бармен поставил перед Юстасом стакан пива, и тот, отвлекшись, полез за мелочью в карман брюк.

– Вы, значит, старые друзья? – спросил Джо, с интересом глядя на Вирджинию, и она ответила:

– Да, можно сказать и так.

– Мы с ней десять лет не виделись, – сообщил Юстас, бросая монетки на стойку. Он посмотрел на стакан Вирджинии. – Что ты пьешь?

– Кока-колу.

– Возьми стакан с собой, и пойдём посидим на солнышке.

Она последовала за ним, ощущая на себе немигающие взгляды, провожавшие их, – вечное неудовлетворенное любопытство. На улице он поставил их стаканы на деревянный столик, и они уселись бок о бок на скамью, прислонившись спинами к беленой стене паба, в теплых солнечных лучах.

– Ты же не против, что я пригласил тебя сюда? В противном случае через полчаса все окрестности дословно узнали бы содержание нашего разговора.

– Мне нравится сидеть на улице.

Он сидел вполоборота, так близко к ней, что Вирджиния могла разглядеть его обветренную кожу, сеть тонких морщинок у глаз, первую льдистую проседь в густых темных волосах. Она подумала: «Я снова с ним».

Он попросил:

– Расскажи мне.

– Рассказать что?

– Что с тобой было. – А потом быстро добавил: – Я знаю, что ты вышла замуж.

– Да. Практически сразу же.

– Что же, значит, лондонский «сезон», которого ты так боялась, дал ожидаемый результат.

– Верно.

– И танец дебютанток был?

– У меня вместо него был свадебный вальс.

– Миссис Энтони Кейли. Я видел объявление в газете.

Вирджиния молчала.

– Где ты живешь?

– В Шотландии. Там у меня дом...

– Дети?

– Да. Двое. Мальчик и девочка.

– Сколько им?

Его интерес был искренним, и она вспомнила, как сильно жители Корнуолла любят детей, как у миссис Джилкс глаза оказываются на мокром месте всякий раз, как она завидит кого-нибудь из своих внучатых племянников или племянниц.

– Девочке восемь, а мальчику шесть.

– Ты здесь вместе с ними?

– Нет. Они в Лондоне. С бабушкой.

– А твой муж? Приехал с тобой? Чем он сейчас занимается – играет в гольф?

Она смотрела на него, впервые осознавая, что ее личная трагедия – только ее. Личная. Пускай твоя жизнь разлетелась на мелкие осколки, это вовсе не означает, что окружающие сразу все узнают, что им вообще будет до тебя дело. Откуда Юстасу было знать.

Она положила руки на край стола, положила аккуратно, словно то, как они лежат, имеет невероятно большое значение.

– Энтони умер.

Собственные руки внезапно показались ей бесплотными,

почти прозрачными, она увидела свои слишком худые запястья, миндалевидные ногти, покрытые кораллово-розовым лаком, напоминающие цветочные лепестки. Ей внезапно захотелось, чтобы они не были такими, чтобы ее руки были сильными, умелыми, покрытыми загаром, с вьедшейся грязью, с ногтями, которые выдают, что их хозяйка работает в саду, и чистит картофель, и скребет морковь. Она ощущала на себе взгляд Юстаса, и его жалость была ей невыносима.

Он спросил:

– Что случилось?

– Он погиб в автокатастрофе. Утонул.

– Утонул?

– У нас рядом река, там, в Кирктоне... где мы живем в Шотландии. Она проходит между домом и дорогой, надо переезжать через мост. Он ехал домой, машину занесло, а может, он слишком резко взял поворот, машина пробила деревянное ограждение и упала в реку. Тогда все время шли дожди, такой уж выдался месяц, река была бурная, и машина сразу ушла на дно. Туда спускался водолаз... привязывал к машине тросы. Потом полицейские вытаскивали ее лебедкой...

Ее голос становился все тише.

– Когда это случилось? – мягко спросил он.

– Три месяца назад.

– Совсем недавно.

– Да. Но мне пришлось столько всего переделать, столько

организовать. Словно со временем что-то случилось. А потом я заболела – какая-то затяжная простуда, никак не могла от нее избавиться, – и свекровь предложила забрать детей к себе, в Лондон, а я приехала сюда, пожить у Элис.

– И когда ты уезжаешь?

– Не знаю.

Юстас замолчал. Потом взял свой стакан и допил пиво. Поставив стакан обратно на стол, он сказал:

– Ты на машине?

– Да. – Она показала на свою машину. – Голубой «триумф».

– Тогда допивай, и поехали в Пенфолду.

Вирджиния повернула голову и удивленно уставилась на него.

– Что такого необычного я сказал? Время обеда. У меня в духовке пирожки. Почему бы тебе не пообедать вместе со мной?

– Хорошо.

– Тогда вперед. Я на «лендровере». Можешь ехать следом.

– Ладно.

Он встал.

– Едем.

3

Она была в Пенфолде лишь однажды, всего один раз, в прохладных сумерках весеннего вечера десять лет назад.

– Нас приглашают на праздник, – объявила Элис за ланчем.

Мать Вирджинии была заинтригована. Она всегда обожала светские мероприятия, а сейчас, когда у нее на руках была семнадцатилетняя дочь на выданье, простого упоминания о празднике было достаточно, чтобы завоевать ее безоговорочное внимание.

– Как чудесно! Куда? К кому?

Элис рассмеялась ее любопытству. Она была одной из немногих, кому позволялось рассмеяться в лицо Ровене Парсонс, не опасаясь грозных последствий, – все потому, что они были знакомы уже долгие годы.

– Не радуйся заранее. Это не совсем то, что ты думаешь.

– Элис, дорогая, что ты имеешь в виду? Объясни!

– Ну, есть здесь одна пара, Эймос и Фенелла Барнет. Возможно, ты слышала о них: он скульптор, современный, даже авангардный. Они снимают одну из старых студий в Порткеррисе, и у них целый выводок детишек, довольно невоспитанных.

Не дожидаясь продолжения, Вирджиния выпалила:

– Почему бы нам не пойти?

Судя по описанию, это был как раз тот круг, с которым ей всегда хотелось познакомиться.

На лбу миссис Парсонс между красиво очерченными бровями пролегла неодобрительная морщина.

– Праздник будет в студии? – спросила она, уже представив себе крепкое спиртное и сигареты с наркотиками.

– Нет, в Ланьоне, на ферме под названием Пенфолда, что-то вроде барбекю у скал. Костер, жареные колбаски... – Элис видела, что Вирджинии страшно хочется туда поехать. – Думаю, там будет очень весело.

– А по-моему, звучит ужасающе, – сказала миссис Парсонс.

– Я и не думала, что ты захочешь пойти. Но мы с Томом, видимо, сходим и можем взять Вирджинию с собой.

Миссис Парсонс обратила холодный взгляд на дочь:

– Тебе хочется пойти на барбекю?

Вирджиния пожала плечами:

– Возможно, там будет весело.

Она давно поняла, что в присутствии матери не стоит проявлять энтузиазм к подобным вещам.

– Ну что же, – сказала та, накладывая себе лимонный пудинг. – Если ты так представляешь себе приятный вечер и если Элис и Том не против взять тебя с собой... Только, ради всего святого, оденься потеплее. На улице ужасный холод. На мой взгляд, погода совершенно не для пикника.

Она оказалась права. Было холодно. На фоне бирюзового

вечернего неба вырисовывался черный силуэт Карн-Эдвора, с моря дул колючий ветер. Когда они поднимались по холму, выезжая из Порткерриса, Вирджиния оглянулась назад и увидела огни города, сверкающие далеко внизу, и чернильные воды гавани с переливающимися отражениями. На другом краю бухты с дальнего мыса посылал предупреждающие сигналы маяк. Вспышка. Темнота. Вспышка. Темнота снова. Будьте осторожны. Впереди опасность.

Предстоящий вечер сулил уйму восхитительных возможностей. Ощувив прилив радостного возбуждения, Вирджиния развернулась и наклонилась вперед, обхватила спинку переднего сиденья руками и уперлась в нее подбородком. Она сделала это необдуманно и сразу же застеснялась такой неприкрытой демонстрации своего приподнятого настроения, которое привыкла скрывать, следуя суровым наставлениям матери.

– Элис, а куда именно мы едем?

– В Пенфолду. Это ферма, сразу за Ланьоном.

– А кто там живет?

– Миссис Филипс. Вдова. И ее сын Юстас.

– Чем он занимается?

– Фермой, глупенькая. Я же сказала тебе.

– Они друзья Барнетов?

– Наверное. Здесь живет много художников. Хотя я не представляю, где они могли познакомиться.

Том сказал:

– Наверное, в «Русалке».

– А что это за «Русалка»? – спросила Вирджиния.

– «Герб русалки», паб в Ланьоне. В субботу вечером там собирается вся округа, ну и художники с женами захаживают тоже выпить и поболтать со знакомыми.

– Кто еще будет на вечеринке?

– Как и ты, мы можем только гадать.

– Ну хоть кого-нибудь вы можете назвать?

– Ну... – выдавила из себя Элис, – художники, писатели, поэты, хиппи, разные бездельники, фермеры, ну и парочка скучных обывателей вроде нас с Томом.

Вирджиния крепко обняла ее за шею:

– Вы не обыватели и совсем не скучные. Вы классные.

– Возможно, к концу вечера ты уже не будешь считать нас классными. Возможно, тебе там совсем не понравится, так что не спеши с выводами.

Вирджиния откинулась на спинку сиденья в уютной темноте машины, обхватив себя руками. *Мне не может не понравиться.*

Словно светлячки, фары множества машин двигались с разных направлений, встречаясь у Пенфолды. С дороги был виден фермерский дом с ярко освещенными окнами. Они пристроились к длинной череде разномастных автомобилей, которые, фырча, протискивались по узкой извилистой дорожке, спускавшейся к морю, а потом заехали на большой двор фермы, временно превращенный в паркинг. В воздухе

носились голоса и смех, знакомые приветствовали друг друга, и ручеек человеческих фигур уже прокладывал себе путь мимо каменной ограды через поле к скалам. Некоторые были обвернуты в ковры, некоторые несли в руках старомодные лампы, некоторые – Вирджиния обрадовалась, что мать не поехала с ними, – тащили позвякивающие бутылки.

Кто-то воскликнул:

– Том! Ты что здесь делаешь?

И Том с Элис отстали, дожидаясь друзей, а Вирджиния пошла вперед, наслаждаясь внезапным одиночеством. Обступившие ее мягкие сумерки пахли торфом, взморником и дымом костра. На небе угасали последние отблески заката, а синева моря была так глубока, что казалась черной. Она прошла сквозь проем в изгороди и увидела внизу, на другом краю поля, золотистые отблески костра, вокруг которых плясали огоньки ламп и суетились человеческие тени и силуэты, наверное около тридцати. По мере приближения становились различимы их лица, освещенные пламенем; все смеялись и болтали, все были знакомы друг с другом. На деревянных козлах стоял бочонок с пивом, из которого непрерывно наполняли кружки, и над ними поднималась шапка пены; пахло печеным картофелем и жиром, капающим в огонь. Кто-то принес гитару и наигрывал на ней, и вот уже несколько человек собрались вокруг и нестройным хором затянули песню:

Корабль плывет,
По морю плывет.
Он груз везет
Над глубинами вод.
Но глубже вод Моя любовь...

Юноша, пробежавший мимо Вирджинии, внезапно споткнулся в темноте и налетел на нее.

– Извините!

Он схватился за ее руку, в попытке не повалить ее и не упасть самому. В другой руке он держал фонарь, свет которого падал ей на лицо.

– Кто вы?

– Вирджиния.

– Какая Вирджиния?

– Вирджиния Парсонс.

У него были длинные волосы, схваченные надо лбом пестрым платком, что придавало ему сходство с индейцем из племени апачей.

– Я так и подумал, что вы не местная. Вы одна?

– Я... нет. Я пришла с Элис и Томом, но... – она оглянулась, – потеряла их... они должны быть где-то здесь... наверное...

– Я Доминик Барнет.

– О, так это ваша вечеринка.

– Вообще-то, ее устроил мой отец. По крайней мере, он заплатил за пиво, что дает ему право называться хозяином

вечеринки, а мама принесла колбаски. Пойдемте, возьмем чего-нибудь выпить.

Он еще крепче ухватил ее за руку и подвел к шумному тесному кружку, освещенному пламенем костра.

– Эй, пап, тут кое у кого ничего не налито.

Гигантский мужчина с бородой, напоминающий в свете огня средневекового разбойника, выпрямился над крапом бочонка.

– Тогда вот вам пиво, – сказал он, и у Вирджинии в руках оказалась великанских размеров пивная кружка. – А вот и колбаса.

Юноша аккуратно подхватил с подноса колбаску, наколотую на палочку, и протянул Вирджинии. Вирджиния взяла из его рук колбаску и уже готовилась вступить с ним в приличествующую случаю беседу, но тут Доминик заметил знакомое лицо по другую сторону костра, крикнул: «Марианна!» – или другое похожее имя – и был таков, а Вирджиния вновь оказалась одна.

В темноте она попыталась отыскать Лингардов, но не смогла. Все остальные сидели, поэтому и она уселась тоже, держа великанскую кружку в одной руке, а колбаску, все еще слишком горячую, чтобы есть, – в другой. Ее щеки пылали от жаркого пламени, а спина мерзла под холодным ветром, который к тому же постоянно сдувал волосы ей на лицо. Она отпила глоток пива. Это был первый раз, когда она его попробовала, и у нее ужасно засвербело в носу. Вирджиния

громко чихнула, и где-то у нее за спиной веселый голос отозвался:

– Будьте здоровы!

Вирджиния отдышалась и сказала:

– Спасибо!

Она обернулась посмотреть, кто с ней заговорил, и увидела высокого молодого мужчину в вельветовых брюках, резиновых сапогах и просторном вязаном свитере. Он глядел на нее сверху вниз, широко улыбаясь, и в свете костра его загорелое лицо казалось медным.

Она пробормотала:

– Это от пива...

Он присел на корточки рядом с ней, аккуратно взял кружку у нее из рук и поставил на землю между ними.

– Чихнете еще раз и расплескаете все до дна, а это будет очень обидно.

– Да.

– Вы, наверное, знакомая Барнетов.

– Почему вы так решили?

– Я никогда вас раньше не видел.

– Нет, я их не знаю. Я пришла с Лингардами.

– С Элис и Томом? Они здесь?

– Да, где-то тут.

Он так обрадовался, услышав о Лингардах, что Вирджиния вообразила, будто он немедленно отправится на их поиски, однако вместо этого он поудобнее устроился на тра-

ве рядышком с ней и погрузился в блаженное молчание, с удовольствием наблюдая за другими участниками вечеринки. Вирджиния принялась за свою колбаску, съела ее всю и, поскольку он по-прежнему не говорил ни слова, решила попытаться еще раз:

– А вы друг Барнетов?

– Что?

Отвлечшись от молчаливого созерцания, он повернулся и устремил на нее немигающий взгляд своих прозрачных синих глаз.

– Простите?

– Я просто спросила, дружите ли вы с Барнетами.

Он рассмеялся:

– Это им нужно дружить со мной. Они же нарушили границы моих владений.

– Получается, вы – Юстас Филипс.

Он подумал над ее словами.

– Да, – произнес он наконец. – Получается, это я.

Вскоре после этого его кто-то позвал – одна из гернзейских коров забрела на поле с соседнего пастбища, и какая-то сумасшедшая девица, перепившая вина, решила, что на нее напал бык, так что она устроила форменную истерику. Юстасу пришлось идти наводить порядок, а Вирджинию наконец разыскали Элис и Том, и хотя остаток вечера она постоянно искала глазами нового знакомого, больше он ей не попадался.

Тем не менее вечеринка имела шумный, запоминающийся успех. Ближе к полуночи, когда пиво было допито, бутылки пусты, припасы съедены, а от набросанного в костер плавника огонь поднимался на высоту больше двадцати футов, Элис осторожно предположила, что им, пожалуй, лучше отправиться восвояси.

– Твоя мама и так, наверное, думает, что тебя похитили или сбросили в море. Тому в девять нужно быть на работе, и вообще стало ужасно холодно. Что ты скажешь? Ты хорошо провела время? Тебе было весело?

– Очень! – воскликнула Вирджиния, которой совсем не хотелось уезжать.

Однако им действительно было пора. В молчании они прошли мимо шумной толпы у костра и поднялись по склону холма к фермерскому дому.

Теперь в нем было освещено только одно окно на первом этаже, однако полная луна, напоминающая белоснежную тарелку, плыла по небу, заливая все вокруг серебристым светом. Они прошли через ограду во двор, и тут дверь дома распахнулась, пролив желтый свет на мощеную дорожку, и голос позвал их из темноты:

– Том! Элис! Зайдите, выпейте чая или кофе – чего-нибудь, чтобы согреться перед дорогой.

– Привет, Юстас. – Том направился к двери. – Мы думали, ты уже спишь.

– Ну, до утра торчать на скалах я точно не собирался. Так

что же вы выпьете?

– Я бы не отказался от виски, – сказал Том.

– А я – от чашки чая, – отозвалась Элис. – Какая прекрасная мысль! Мы совсем окоченели. Но ты уверен, что мы вас не побеспокоим?

– Мама еще не ложилась, она будет рада повидаться с вами. И чайник уже на плите...

Они вошли в дом, в прихожую с низким потолком, отделанную деревянными панелями, и плиточным полом, покрытым яркими ковриками. Юстас едва не задевал макушкой потолочные балки.

Элис уже расстегивала пальто.

– Юстас, ты знаком с Вирджинией? Она гостит у нас в Уил-хаусе.

– О да, мы уже познакомились, – сказал он, не глядя на нее. – Проходите в кухню – это самое теплое место в доме. Мама, у нас Лингарды. Элис согласилась выпить чашку чая. А Том хочет виски.

С высоты своего роста он взглянул на Вирджинию:

– Что будете вы?

– Чай, если можно.

Элис и миссис Филипс засуетились: миссис Филипс заваривала чай, а Элис доставала чашки и блюдца из расписного буфета. Одновременно они обсуждали вечеринку у Барнетов, посмеиваясь над девицей, принявшей корову за быка, а мужчины устроились за выскобленным кухонным столом с

высокими стаканами, сифоном с содовой и бутылкой скотча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.